

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.858-872>
EDN: NZPYBD

УДК 94(477.75).031

**ИДЕГЕЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ ОЦЕНКА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ****И.Л. Измайлов**

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
ismail@inbox.ru*

Резюме. Цель исследования: показать динамику оценки личности беклярибека Идегея в отечественной науке имперского и советского периода.

Материалы исследования: исторические труды отечественных историков, затрагивавших оценку личности Идегея 1840-х – 1960-х гг.

Результаты и новизна исследования: показано, что процесс изучения истории Золотой Орды и ее политической истории был сложным и извилистым. Особенно это касалось личности Идегея, а также посвященному ему народному эпосу. С момента начала изучения этого эпоса у историков возник интерес к самой исторической личности, соотношению его судьбы с героем эпоса. В российской науке его личность, не вызывала особого внимания. Формирующаяся татарская историческая наука обвиняла Идегея в чрезвычайных амбициях, считая его виновником походов Аксак-Тимура и распада Золотой Орды. В первой половине XX в. историки и фольклористы оказались под влиянием идей классовой борьбы и пытались представить его в качестве народного героя, сражающегося против феодального гнета, что было, несомненно, искажением фактов. В 1944 г. Постановлением ЦК ВКП(б) Золотая Орда была признана паразитическим государством, а Идегей – самым «коварным и хищным ордынским правителем». Подобная точка зрения с этого времени практически на полвека стала определяющей и безальтернативной, что заморозило отечественную науку в осмыслении этого периода истории.

Ключевые слова: Золотая Орда (Улус Джучи), Идегей, Токтамыш, историческая личность, героический эпос, историография, татарский фольклор, идеологический диктат

Для цитирования: Измайлов И.Л. Идегей: историческая личность и ее оценка в отечественной историографии // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 858–872. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.858-872> EDN: NZPYBD

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», проект «Комплексное исследование этнокультурного и цивилизационного взаимодействия народов Поволжья и Арало-Каспийского региона в период средневековья и раннего Нового времени».

© Измайлов И.Л., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

IDIGEY: A HISTORICAL PERSONALITY AND ITS ASSESSMENT IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

I.L. Izmailov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ismail@inbox.ru*

Abstract. The purpose of the study is to show the dynamics of the assessment of the personality of the ruler of the Golden Horde Idigey in Russian science of the imperial and Soviet periods.

Research materials: historical works of Russian historians who touched upon the assessment of the personality of Idigey in the 1840s – 1960s.

Results and novelty of the study: it is shown that the process of studying the history of the Golden Horde and its political history was complex and tortuous. This was especially true of the personality of Idigey, as well as the folk epic dedicated to him. Since the beginning of the study of this epic, historians have become interested in the historical personality himself, the relationship of his fate with the hero of the epic. In Russian science, his personality did not attract much attention. The emerging Tatar historical science accused Idigey of extreme ambitions, considering him the culprit of the campaigns of Aksak-Timur and the collapse of the Golden Horde. In the first half of the 20th century, historians and folklorists were influenced by the ideas of class struggle and tried to present him as a folk hero fighting against feudal oppression, which was undoubtedly a distortion of the facts. In 1944, by a decree of the Central Committee of the CPSU(b), the Golden Horde was recognized as a parasitic state, and Idigey was recognized as the most "insidious and predatory Horde ruler." Since that time, such a point of view has become decisive and uncontested for almost half a century, which froze Russian science in understanding this period of history.

Keywords: Golden Horde (Ulus of Jochi), Idigey, Toktamys, historical personality, heroic epic, historiography, Tatar folklore, ideological dictate

For citation: Izmailov I.L. Idigey: a Historical Personality and its Assessment in Russian Historiography. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 858–872. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.858-872> (In Russian)

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov”, project “Comprehensive study of the ethnocultural and civilizational interaction of the peoples of the Volga region and the Aral-Caspian region in the Middle Ages and early Modern times”.

Прошлое познается через исторические личности, которые действовали в свое время, реализуя свои планы и амбиции, совершали подвиги и злодеяния. Объективно они могли выражать интересы того или иного государства, сословия или рода, но субъективно многие из их деяний не могут быть объяснены иначе, как личными мотивами и различными чувствами. Понять и выявить диалектику сочетания этих факторов спустя века очень сложно.

Не менее характерно использование тех или иных сюжетов истории для обоснования правоты той или иной исторической концепции. Крайним случаем является использование в идейно-политической борьбе материала, взятого из древней и средневековой истории, а также влияние этих установок на

формирование исторических взглядов. Характерным примером подобного манипулирования истиной является практически вся история Улуса Джучи, когда исторические факты вольно или невольно переосмысливались во имя определенных концептуальных установок (См.: [27; 18, с. 733–748]).

Осмысление биографии и исторической роли золотоордынского полководца и государственного деятеля Идегея в разные эпохи и разными историографическими школами и направлениями является интересным примером подобной интерпретации этой исторической личности. Достаточно сказать, что он единственный исторический персонаж, который был специально отмечен в особом постановлении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. [24; 14, с. 96–101; 19, с. 98–109; 4, с. 784–797]. Осложняет понимание роли и места Идегея в истории существование героического эпоса [11], который, несомненно, имел источником судьбу реальной исторической личности, но причудливо объединил ее с традиционными эпическими мотивами [9, с. 351–286; 35, с. 247–254; 34].

Прежде всего приведем основные факты биографии Идегея, как они излагаются в основных источниках и исторических трудах [20, с. 167; 2, с. 797–804; 39, с. 30–45; 8; 29, с. 145–195; 23, с. 474; 9, с. 351–386; 12; 16, с. 529; 17, с. 712–723; 28].

Идегей (Эдиге, Идику, Едигей) (1352–1419/20), происходил из клана Мангыт (по данным Абульгази – Ак-Мангыт), а по данным арабского историка Ибн Арабшаха – из клана Кунград, что менее достоверно (см.: [2, с. 797–799; 9, с. 264–366]). Он был сыном эмира Балтычака (по легендарной версии – Кутлукья), который возвысился при хане Кок Орды Уресе, став у него карачибекком. В 1376 г. Идегей изменяет Урус-хану и бежит в Мавераннахр к эмиру Тимуру, активно включившись в войну против своих родичей. В 1377/78 помог Токтамышу прийти к власти в Кок Орде, а потом и стать ханом Улуса Джучи. Но в этот момент Идегей, видимо, посчитал, что за его заслуги он не получил достойной награды и включился в заговор против хана Токтамышша.

Заговор был раскрыт в 1389 г. и Идегей вместе с рядом Джучидов, включая султана (оглана) Тимур-Кутлуга, вновь бежал к Тимуру. Находясь при дворе Тимура, он всячески призывал его начать войну с Улусом Джучи, обещая поддержку своих сторонников. Вместе с войском Тимура Идегей с друзьями Джучидами участвовал в походе против Токтамышша, который закончился битвой на р. Кондурче в 1391 г. Потерпевший поражение Токтамыш отступил за Волгу, а Идегей вместе с Тимур-Кутлугом вернулся в свои родовые земли в Северо-Восточном Прикаспии и Заволжье, где создал свой полунезависимый улус во главе с Тимур-Кутлугом. После нового поражения Токтамышша в битве на р. Терек (1395 г.) и глубокого рейда Тимура по территории Улуса Джучи [29, с. 151–171; 22, с. 128–135]. Это был страшный удар по основным торгово-ремесленным центрам в Нижнем Поволжье, Подонье и Крыму. Страна лежала в развалинах и фактически распалась на части, где за власть начали бороться разные претенденты на власть.

В 1397 г. Идегей снова вступил в борьбу с Токтамышем за объединение страны под властью хана Кутлуг-Тимура [29, с. 172–182; 17, с. 712–723; 22, с. 136–155]. Он изгнал Токтамышша в Великое княжество Литовское, а когда великий князь Литовский Витовт в 1399 г. собрал войско для поддержки Ток-

тамыша и попытался вернуть ему власть, нанес ему поражение в битва на Ворскле [13, с. 80–83, 89; 22, с. 146]. Восстановив единство Улуса Джучи, Идегей стал фактическим правителем при номинальных ханах. В 1408 г. он совершил набег на Москву и попытался подчинить московских великих князей своей власти и заставить выплатить дань за прошлые годы [6, с. 119–136; 30, с. 71–78]. Против Идегея в 1410 г. был организован заговор, и он был отстранен от власти и вынужден бежать в Хорезм. В последующие годы он продолжал борьбу против сыновей Токтамыша, периодически захватывая Сарай и возводя на трон лояльных к нему ханов. В 1414 г. Идегей был вытеснен из Хорезма Тимуридами. Тогда он собрал под своей властью Мангытов в междуречье Волги и Урала, где основал свое владение. В 1416 г. он совершил поход на Литовское княжество и даже сжег Киев. Погиб в битве против сына Токтамыша Кадырберди [29, с. 192–195].

Сложная и противоречивая судьба Идегея, его жизнь полная дерзких интриг и резких политических поворотов, успешная борьба против ханов, а потом за укрепление своей личной власти была неординарной даже на фоне бурного позднего средневековья. Очевидно, что именно поэтому его судьба – борьба с Токтамышем, соперничество с эмиром Тимуром и сложные взаимоотношения с сыном Нурадыном легли в основу татарского эпоса «Идегей» [26; 9; 11].

Бурные события конца XIV – начал XV вв. на протяжении многих лет, фактически с начала изучения истории Улуса Джучи привлекали внимание историков и тюркологов различных направлений. В разные годы и под пером разных исследователей одни и те же события и факты биографии Идегея получали совершенно разные оценки. Популярность образа Идегея, подкрепляемая изучением эпического дастана неуклонно возрастала от поколения к поколению, хотя часто был противоречивым и поляризованным. Если в народной памяти, через эпос его образ был нерушимо связан с защитой страны и борьбой с несправедливостью власти, то в трудах историков он представлял бунтовщиком и разрушителем страны, народным героем и выразителем «ханско-феодальных» интересов. Поэтому рассмотрим, как изображался Идегей в разные периоды и в разных концепциях, концентрируясь на основных тенденциях его изображения в трудах историков.

Историография середины XIX – первой трети XX в.: «хитрый и трусливый враг» или «человек смелый и деятельный, разрушивший единство Золотой Орды». В российской историографии общее отношение к историческим личностям Золотой Орды было практически единообразно – одинаково отрицательным и несколько презрительным. Можно сказать, что они были в значительной степени обезличены. В этом смысле никакого особого отношения к личности Идегея по сравнению с другими правителями не наблюдается. В целом, его имя попало на страницы исторических трудов только благодаря походу на Москву в 1408 г. Именно при описании этого события российскими историками давались скупые характеристики Идегея как личности и полководца. Упоминаний его чрезвычайно мало, и обычно они не выходят за рамки летописных сведений, но были исключения. Показателен в этом смысле труд «История России с древнейших времён» (1851–1879 гг.) профессора Московского университета и академика Санкт-Петербургской Академии наук, основателя так называемой «государственной шко-

ль», С.М. Соловьева. Описывая побудительные мотивы Идегея для нападения на Москву, он писал: «В то время, как во время Мамаево, всеми делами в Орде заведовал князь Эдигей; долго терпел он презрительное обращение московского князя с бывшими повелителями; наконец решился напомнить о себе. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмелился явно напасть на Москву, встретиться в чистом поле с ее полками; не только от хитрости и тайны ждал он успеха; дал знать великому князю, что хан со всею Ордою идет на Витовта, а сам с необыкновенною скоростью устремился к Москве» [31, с. 361]. Великий князь бежал в Кострому, Москва была осаждена – «татар Эдигеевы со всех сторон облегли город», а вся округа была захвачена и сожжена. «Нашествие Эдигеево закончилось так: «когда Эдигей прислал к ним с мирными предложениями, то они с радостью заплатили ему три тысячи рублей за отступление; Эдигей поспешно поднялся и вышел из русских пределов, взявши по дороге Рязань» [31, с. 362].

Образ Идегея, как хитрого и достаточно трусливого врага, очевидно, был общим мнением всей российской историографии, но только в труде С.М. Соловьева ему была дана определенная личная характеристика. При этом нельзя не отметить, что подобная характеристика различных татарских исторических личностей была характерна для российской историографии (см.: [27; 18, с. 19–33]).

В татарской исторической науке, которая развивалась достаточно самостоятельно, было свое отношение к историческому Идегею. Этот образ впервые сформулировал основоположник татарской исторической науки Ш. Марджани в своем труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Полезные вести о состоянии Казани и Булгара) (1885 г.). Прекрасное знание восточной исторической традиции позволило ему создать объемное полотно истории татарского народа. В нем много места он уделит правителям различных тюркских государств. В связи с их деяниями он описал и военно-политическую деятельность Идегея. Ш. Марджани не выделял ему специального внимания и описывал его биографию только в связи с различными ханами. Но и этих эпизодов достаточно, чтобы понять его отношение к этой исторической личности. В связи с началом взаимоотношений Токтамышша с Тамерланом он писал: «один из удачливых эмиров Токтамыш-хана из племени кангратов Идегей-мурза по какой-то причине, обидевшись, затаил злобу на Токтамыш-хана и пожелал его проучить» [21, с. 110]. Далее он описывал конфликт с ханом, который заподозрив его в измене, угрожал ему. В ответ Идегей якобы ответил: «Я прошу прибежища для нашего господина хакана, от зависти в отношении своего раба, который до сих пор не предал его. Чтобы не потоптать возвращенные им плоды и не разрушил построенное им здание». После этого он бежал к эмиру Тимуру, «которого начал подстрекать выступить в военный поход против Токтамыш-хана» [21, с. 110].

После победы «Идегей, обманув Тамерлана тоже бежал... Тамерлан в свою очередь начал грабить, убивать и пленить жителей этих земель, жечь и разрушать их города и таким образом сильно ослабил татарское государство, в котором начался раскол» [21, с. 110]. Далее он описывает длительную войну Идегея и его ставленников-ханов с Токтамышем и его сыновьями, считая, что «когда началась смута между Идегей-мирзой и Тамерланом, то они, пользуясь моментом, восстали и заявили о своих претензиях на престол». Завер-

шается это повествование битвой между Идегеем с сыном Токтамышша Кадырберди, которому приписывает высказывание: «Если Итиль замерзнет, разве кто-нибудь [по ней] не пройдет, а если Идегей умрет, разве кто-нибудь не сможет [от него] уйти?» [21, с. 111].

По Ш. Марджани Идегей предстает человеком, удачливым, но склонным к предательству и манипулированию людьми. При этом итогом его деятельности стало по образному выражению самого Ш. Марджани, он смог «потоптать возвращенные плоды и разрушил построенное здание», а фактически «сильно ослабил татарское государство, в котором начался раскол». Хотя он прямо не обвиняет его, но из контекста это явно вытекает.

Более четко и определенно сформулировал эту позицию его последователь, богослов и историк Ризаэтдин Фахретдинов (Риза Фахретдин) в статье «Идегей-мурза» в №8 (апрель) журнале «Шура» в 1908 г. [36, с. 110–114]. В ней автор дает четкие и вполне определенные характеристики личности Идегея и оценку его исторической роли. Он писал: «Идегей мурза происходил из племени мангытов и был человеком смелым, хитрым и деятельным. В правительственных кругах Золотой Орды он стал известен и влиятелен еще со времен Мамаю» [36, с. 110]. Далее Р. Фахретдин, описывая историческую деятельность Идегея, отмечает, что своей карьере он обязан хану Токтамышу, у которого был «нукером», а «потом возвысился и стал его эмиром». Далее «по какой-то причине их отношения испортились и Идегей, опасаясь за свою жизнь, бежал в Самарканд», где стал служить Аксак-Тимуру и уговорил его организовать поход на Золотую Орду [36, с. 110]. Далее он подробно описывает, как Идегей укреплял свою власть, воспользовавшись новым поражением Токтамышша от Тимура. Причем, при описании похода Идегея на Москву в 1408 г., автор явно использовал текст С.М. Соловьева. Резюмируя, описание биографии этой исторической личности, Р. Фахретдин подчеркнул: «Да простит его всемогущий Аллах, Идегей мурза всю жизнь общественные интересы приносил в жертву личным, уговорами толкнул Аксак Тимура на войну против Золотой Орды, рассеяв крепкую мусульманскую общность, совершил непоправимую ошибку, которая привела к трагическим последствиям. Если одной из причин нынешнего угнетенного и задавленного состояния мусульман России является Аксак Тимур, его опустошительные походы, второй ее причиной можно считать деятельность Идегея мурзы, который довел эту трагедию до логического завершения» [36, с. 114].

Основанием для подобной негативной оценки исторического Идегея послужило, если отбросить мелкие детали, обвинение в том, что он «уговорил» Аксак Тимура вторгнуться в Улус Джучи, что привело к разорению страны и вводу в рабство «молодых парней и девушек». Нет никаких оснований считать, что эмир Тимур организовал военную кампанию 1391 г., поддавшись на уговоры Идегея, хотя об этом писал арабский историк Ибн Арабшах [33, с. 459]. Вполне очевидно, что это домысливание ситуации еще современниками, возможно, передававших какие-то слухи. Походы 1391 г. и 1395 г. были вполне осознанными и целенаправленными действиями эмира Тимура, стремившегося обезопасить северные границы своих владений от сильного и опасного противника, столкновение с которым было неизбежно в силу целого ряда военно-политических обстоятельств. Понятно, что «уговоры» Идегея, если они и имели место быть, были совсем не решающим фактором. Тем не

менее, именно на этой субъективной оценке построил образ Идегея татарский историк. Не исключено, что главным, хотя и не артикулированным обвинением были те самые «деятельность и хитрость», которые он направил против Токтамышя, и позволил себе выступить против хана и сам стал своеобразным «делателем ханов», что нарушало, видимо, привычную картину миропорядка мусульманского просветителя и богослова.

Трудно сказать, обсуждал ли Р. Фахретдин идею этой статьи с Ш. Марджани, но нельзя не отметить сходство в основных чертах характеристики Идегея у этих историков, что заставляет считать, что это было довольно распространенное у татар мнение, своего рода «типизация образа».

Интересно отметить, что у Р. Фахретдина нет никаких указаний на эпический образ Идегея, который явно присутствовал у Ш. Марджани. Наличие легендарного образа, очевидно, играло негативную роль в понимании значимости и месте исторической личности, в определенной степени, видимо, заслоняя ее. Так, фольклорист и краевед Г.Н. Потанин, увлекшись различными героическими сказаниями народов Сибири, вообще считал, что такой исторической личности не существовало [26, с. 320].

Историография 20-х – 40-х гг. XX в.: от «мятежного вельможи» до «борца против ханской власти». Распространение различных версий эпоса «Идегей» и появление различных точек зрения на соотношение эпического героя и исторической личности, вплоть до отрицания самого ее существования заставили включиться в эту дискуссию академика В.В. Бартольда, который в 1927 г. написал большую статью – первую и во многом непревзойденную научную биографию исторического Идегея с использованием многочисленных источников [2, с. 797–804]. В ней было подчеркнуто, что судьба исторической личности лишь в отдаленной степени напоминает эпический персонаж, который действует в легендарном пространстве и окружении. Значительное внимание он уделил именно отцу Идегея, чье имя в эпосе и в реальности было различным, о жизни которого, судя по всему, современники уже слагали сказания, считая его образцом батыра – «непоколебимо преданного своему хану». Основной вывод, который сделал автор касался и самого Идегея, которого он назвал «вельможей, полновластно распоряжавшегося государством, возводившего на престол царевичей ханского рода только для того, чтобы прикрывать свою власть» [2, с. 703].

В советской исторической науке Золотая Орда только начала изучаться в качестве самостоятельного явления прошлого. В одной из первых книг, посвященной этой теме Идегей упоминается только в связи с походом 1408 г. на Москву и характеристика его действий мало чем отличается от суждений С.М. Соловьева: «Золотая Орда шла навстречу своему распаду. После удара, нанесенного ей Тимуром, она уже оправиться не могла. Темник Эдигей, хозяйничавший в конце XIV в. в Орде, решил напомнить Москве об ее обязанностях» [7, с. 191]. Далее авторы подробно описывают попытки Идегея склонить московского князя Василия I к подчинению, а когда они провалились он стал готовиться к войне: «но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмеливался напасть на Москву открыто: от хитрости и тайны ждал он успеха. ... но Москвы взять не смог. Она сумела защитить себя и от внезапного нападения» [7, с. 192]. «Темник» Идегей по российской традиции здесь также характеризу-

ется весьма уничижительно – хитрым и коварным человеком, «хозяйничавшим», что надо понимать, как «незаконно распоряжался делами ханства».

Между тем, статья В.В. Бартольда, опубликованная в Симферополе, стала источником вдохновения для татарских фольклористов и историков, которые стали активно собирать и анализировать различные версии эпоса «Идегей» (см.: [37, с. 181–201]). Изучение эпоса, а также создание Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1939 г., поставило задачу создания в том числе сборника татарского фольклора и академической «Истории Татарской АССР», работа над которой началась 1 февраля 1941 г. (подробнее см.: [3, с. 202–219]) Эта работа не могла не привести к всплеску интереса к исторической личности самого Идегея.

В первую очередь переосмысливать образ Идегея стали фольклористы, которые обратились к эпическому наследию народов. Сам жанр изучения и пропаганды произведений древней литературы и фольклора именно в Советском Союзе пробрал необычайный размах и стал поводом для помпезных празднований. Каждая республика стремилась обрести свой эпос, чтобы показать народность и древность своей культуры. В Советском Татарстане самым ярким выразителем этой тенденции являлся Н. Исанбет, собравший большое количество разных версий эпоса «Идегей» и подготовивший текст к печати [37, с. 188–191]. В конце 1940 г. он опубликовал сводный текст эпоса, снабдив ее большой статьей «500 лет татарского народному дастану «Идегей»» [10; 11].

В ней Н. Исанбет представил научную биографию этого исторического деятеля и сравнил ее с эпическим героем. Основой для этого описания стали восточные источники и труды историков, прежде всего В.В. Бартольда. Он оценивал роль Идегея в истории совсем не так, как предшественники. Он полагал, что Идегей был борцом за права и достоинство простых людей, «борцом против ханско-феодального гнета», а его борьба против Токтамышша переосмысливалась, едва ли не как «народное восстание» [10, с. 39–76]. Очевидно, что на такую трактовку влияла сама советская идеология, которая требовала превозносить народных вождей – борцов за народное счастье. В лице Идегея Н. Исанбет видел именно такую идеально подходящую фигуру. Для обоснования своей трактовки его образа он обильно цитировал строки эпоса и трактовал все его действия, направленные против Токтамышша и Аксак Тимура, как желание сбросить власть ханов, избавиться от феодального гнета. Не совсем понятно, действительно ли Н. Исанбет верил в этот образ, либо наивный социализм был прикрытием для его занятий татарским фольклором и историей, попыткой избежать обвинения в национализме и репрессий.

Как бы то ни было, явно, что такая трактовка образа Идегея была не совсем изобретением Н. Исанбета, а общей тенденцией, порождением советской идеологии – желанием видеть во всех проявлениях прошлого борьбу классов. Предваряя публикацию большого тысячестраничного труда с публикацией вариантов татарского эпоса, критического текста и научных статей, писатель Ф. Хусни выступил в центральной газете Татарской АССР со статьей, в которой прямо писал: «“Идегей”, покинувший своего хана, свой покой, свою возлюбленную во имя свободы для народа» [38]. Разумеется, он не просто пересказывал мысль Н. Исанбета, а разделял ее, судя по патриотическому пафосу всей статьи.

В этом же ключе, хотя и не так прямолинейно, трактовали образ Идегея другие фольклористы. Например, академик А.С. Орлов, находясь в эвакуации в Алма-Ате, изучая казахский героический эпос и «былину о Едиге»¹, также считал, что «несмотря на то, что главные персонажи в былине не рядового происхождения, стоят на вершине власти или стремятся к ней, местами былина проявляет интерес к обездоленным и заботливое отношение к народу» [25, с. 144].

Другой академик В.М. Жирмунский, известный фольклорист и германист, также оказавшийся в эвакуации в Средней Азии, тоже обратился к изучению героических эпосов тюркских народов, в том числе и «Сказания об Идегее». В статье, которая была подготовлена в 1940-е гг., но издана много позднее, что позволило автору снять все идеологические штампы и писать свободнее и объективнее, чем он вынужден был бы написать ранее. Он обстоятельно проанализировал общую структуру эпического образа Идегея и его соотношение к исторической личности. При этом в его статье остались элементы более раннего отношения к этой исторической персоне. Так он сомневается принадлежал ли Идегей к родовой знати, но при этом взошел к вершинам власти: «захватив с помощью Тимура власть в Орде и сделавшись ее фактическим правителем, Идиге удалось, несмотря на постоянное противодействие феодальных князей и на борьбу с самими ханами, осуществить то, чего не сумел добиться до него Мамай – восстановить политическое единство Золотой Орды ... ее военное и международное положение» [9, с. 376]. Но при этом, отметив, что «политическая роль Идиге ... напоминает в этом отношении в малых масштабах роль и значение Тимура», он подчеркивает, что «личные качества предводителя не могли остановить исторически закономерный процесс распада золотоордынских владений» [9, с. 376–377].

Подобная вполне взвешенная и обусловленная уровнем тогдашних знаний об Улусе Джучи, была продолжением традиции В.В. Бартольда и смягчала общее стремление тюркских историков и фольклористов представить Идегея как народного вождя и борца против феодального гнета. Но эта статья не была опубликована в свое время. Ее взвешенная характеристика оказалась несвоевременной, поскольку шла вразрез с приговором большевистской идеологии.

Историография 1944–1964 гг.: «реакционный деятель» и «коварный и хищный ордынский правитель». Началась эта политическая кампания с секретного Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., которое было опубликовано много позже, где Татарскому обкому ВКП(б) были предъявлены обвинения в «приукрашивании Золотой Орды» и «популяризации ханско-феодального эпоса об Идегее» [24, с. 528]. Эти скупые фразы политического обвинения превратились в целый каскад обвинений и идеологических проработок татарской науки [14, с. 96–202; 15, с. 116–118; 4, с. 784–797]. Главное острие этих идеологических проработок было направлено против целой эпо-

¹ Интересно подчеркнуть, что книга о казахском героическом эпосе вышла в 1945 г., хотя в Татарстане уже почти год бушевали страсти вокруг эпоса об Идегее и книга с публикацией вариантов дастана и статьями о нем были запрещены к публикации. Очевидно, это свидетельство того, что все постановления и решения ВКП(б) вокруг этого вопроса носили секретный и ситуативный характер и могли не распространяться на союзные республики.

хи татарской истории. Обком ВКП(б), следуя указаниям руководства прямо формулировал эти обвинения: «Бюро Обкома считает, что ошибки института, выразившиеся в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании ее агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа, в неправильной оценке ханско-феодального эпоса об Идегее» [14, с. 102]. Судя по организации всей этой идеологической кампании, она была хорошо организована и касалась многих аспектов истории Золотой Орды. Одной из мишеней была выбрана фигура Идегея и созданный в его честь эпос.

Четкую позицию политического руководства ВКП(б) и правительства представил в передовой статье в главном партийном журнале страны «Большевик» в октябре 1944 г. партийный работник и театральный деятель А.В. Солодовников, который отметил, что «нельзя, однако, любой эпос принять безоговорочно и пропагандировать как высокий в этическом и эстетическом отношении образец. ... В некоторых драматических и оперных произведениях, созданных татарскими писателями и композиторами, прославлялась и превозносилась деятельность Идегея – одного из предводителей Золотой Орды. Идегей – фигура, по-существу, реакционная; он неоднократно руководил набегами на русские земли... деятели искусства Татарии ... допустили идеализацию ханско-феодального эпоса и подняли Идегея на пьедестал, которого он совершенно не достоин» [32, с. 57].

К «свержению Идегея с пьедестала» в следующем номере журнала «Большевик» включился начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), академик Г.Ф. Александров [1, с. 12–29]. Он также сосредоточился на историческом Идегее и эпосе. Выступая против «популяризации Идегея как героя татарского народа», он дает краткий экскурс о его деятельности, подчеркивая, что «он стремился восстановить былое могущество Золотой Орды набегами на русскую землю, хотя своими феодальными войнами и вносил дальнейшее разложение в Золотоордынское государство» [1, с. 18]. Доказав «реакционность» «феодала-кочевника», автор перешел к эпосу, отмечая, что «в эпосе «Идегей» выражены чуждые татарскому народу националистические идеи», поскольку «крупнейший феодал ... враг русского народа изображается как национальный герой... Некритическое возвеличивание этого эпоса – явная ошибка» [1, с. 18].

После партийного указания историческая наука включилась в разоблачение этой исторической личности. Поворот, который совершила советская наука после Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. наиболее выразительно показывают работы члена-корреспондента АН СССР А.Ю. Якубовского. Еще в 1937 г. он вместе с Б.Д. Грековым ругал «великорусскую историографию» за ее традицию рассматривать сложную средневековую историю Восточной Европы «сквозь дым пожаров татаро-монгольского нашествия», а Золотую Орду видеть исключительно как разрушительную силу [7, с. 7–8], а в новом издании их книги уже превозносит Тамерлана, как борца с Золотой Ордой, которая не могла существовать иначе «как только путем насилия, путем ограбления покоренных народов», замедляя «прогрессивное развитие трудолюбивого и свободолюбивого русского народа» [8, с. 13–14].

В оценке роли Идегея, как исторической личности, разумеется, А.Ю. Якубовский также совсем иначе расставил основные акценты. Подроб-

но рассмотрев в своей статье жизненный путь Идегея, историк сделал вывод, что он «обладал большой волей, энергией, личной храбростью, в еще большей мере хитростью и коварством, но в политической обстановке своего времени и наперекор объективному ходу истории стремился вернуть великодержавие паразитической Золотой Орде средствами политического обмана и застрашивания» [39, с. 45], а также подчеркнул, что в историографии давно считали Идегея «одним из наиболее коварных и хищных ордынских правителей» [39, с. 36]. При этом он особо подчеркнул, что «едва ли в исторической науке мог сложиться иной образ Едигея, если бы не было его идеализации по другой линии. ... параллельно с историческим существовавшим Едигеем, есть еще Едигей – герой ногайского эпоса, причем эпоса явно феодального, составленного в угоду кочевой знати. Переносить характеристику личности Едигея из этого бегско-феодального эпоса в историю, из легенды в историческую действительность – значит совершить большую ошибку, исказить историю, что иногда и делается в националистически-шовинистической историографии, служащей только интересам пантюркистов» [39, с. 36].

Этот пассаж больше похож не на заключение научной статьи, а на политический донос. Об этом говорят фактически дословное повторение фраз из Постановления ЦК ВКП(б). Это заставляет полагать, что эта характеристика стала не результатом научного анализа, а гибкое следование руководящим указаниям коммунистической партии. Позднее автор практически дословно включил эту статью в новое издание их совместной книги с академиком Б.Д. Грековым, которая даже получила в 1952 г. Сталинскую премию. Это лучше других фактов показывает, что поворот в рассмотрении Улуса Джучи диктовался совсем не новыми источниками или концепциями, а политическими указаниями ЦК ВКП(б).

Татарская историческая наука также буквально в один день изменила свои подходы к истории. Н. Исанбет больше никогда ничего не писал об Идегее, а его работы по эпосу на полвека были преданы забвению [35, с. 247–254]. Историк Х.Г. Гимади в своей диссертации и в очерке в «Истории Татарской АССР», писал, что в Золотой Орде «создаются ханско-феодальные оды, воспевающие разбойничьи походы ханов и отдельных эмиров. Памятником такого типа, например, является дастан «Идегей» [5, с. 117]. Впоследствии некоторые историки пытались освободиться от этой точки зрения и делали осторожные попытки вернуться к научной картине прошлого [23, с. 474], но они не меняли общей ситуации в отечественной науке.

Таким образом можно сказать, что с начала изучения эпоса «Идегей» у историков возник интерес к самой исторической личности, соотношении его судьбы с героем эпоса. В российской науке его личность, не вызвала особого внимания, за исключением эпизода похода на Москву в 1408 г., который описывался весьма пристрастно. Формирующаяся татарская историческая наука обвиняла Идегея в чрезвычайных амбициях, считая его виновником походов Аксак Тимура и распада Золотой Орды. После начала публикаций эпоса интерес к личности этого полководца и государственного деятеля Улуса Джучи получил новый импульс. В определенной степени историки и фольклористы оказались под влиянием идей классовой борьбы и пытались представить его в качестве народного героя, сражающегося против феодального гнета, что было, несомненно, искажением фактов. Но в 1944 г. это на-

правление в науке было грубо прервано. Золотая Орда была признана паразитическим государством, а Идегей – самым «коварным и хищным ордынским правителем». Подобная точка зрения с этого времени практически на полвека стала определяющей и безальтернативной, что заморозило отечественную науку в осмыслении этого периода истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Г.Ф. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // Большевик. 1044. №14. С. 12–29.
2. Бартольд В.В. Отец Едигея // Бартольд В.В. Сочинения. Е.П. Ч.1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 797–804.
3. Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г. Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 202–219. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219> EDN: TCGTHF
4. Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797>
5. Гимади Х.Г. Народы Булгарского государства под игом Золотой Орды // История Татарской АССР. Т. 1. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 76–99.
6. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
7. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв. Л.: Госсозэкиздат, 1937. 203 с.
8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
9. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: «Наука» 1974. 727 с.
10. Идегей: татар халык дастаны / Н. Исәнбәт жыйнамаһы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. 39–76 б.; № 12. 34–82 б.
11. Идегей. Татарский народный эпос. Пер. С. Липкина. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.
12. Измайлов И.Л. Идегей: Жизнь, ставшая легендой // Татарстан. 1992. № 1. С. 51–59; Татарстан. 1992. № 2. С. 63–71.
13. Измайлов И.Л. Битва на Ворскле. 1399. Звездный час эмира Идегея // Цейхгауз. 1994. (№ 3). № 1. С. 80–83, 89.
14. Измайлов И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №3/4. С. 96–101.
15. Измайлов И.Л. «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б) // Родина. 1997. № 3/4. С. 116–118.
16. Измайлов И.Л. Идегей // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2005. Т. 2: Г-Й. С. 529.
17. Измайлов И.Л. Идегей и его время // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 712–723.
18. Измайлов И.Л. История изучения Улуса Джучи в отечественной и зарубежной науке // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009а. С. 19–33.
19. Кабирова А.Ш. Татарский национальный фактор как элемент идеологической либерализации в годы Великой Отечественной войны // Tatarica. 2015. №4. С. 98–109.
20. Кареев Н.И. Эдигей // «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». Т. 79. СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1904. С. 167.

21. Марджани Ш. Полезные вести о состоянии Казани и Булгара (Мустафад алахбар фи ахвали Казан ва Булгар): Часть первая, пер. на русс. яз., пред. И перевод с араб., старотатарского Р.К. Адыгамова. Казань: Магарифат-Вақыт, 2022. 216 с.
22. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
23. [Мухамедьяров Ш.Ф.] Едигей // Советская историческая энциклопедия: [В 16 т.]. Т. 5. Двинск – Индонезия. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 474.
24. О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации // О партийной и советской печати. М.: Правда, 1954. С. 526–529.
25. Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.А.: Изд-во АН СССР, 1945. 147 с.
26. Потанин Г. Тюркская сказка о Идыге // Живая старина. Год 7. Вып. III–IV. СПб, 1897. С. 294–350.
27. Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. 288 с.
28. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
29. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Изд-во МордГУ, 1960. 278 с.
30. Селезнев Ю.В. «А переменить Богъ Орду» (Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой половине XV вв.). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. 160 с.
31. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988. 765 с.
32. Солодовников А. За высокую идейность советского искусства // Большевик. 1994. №19/20. С. 52–64.
33. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1881. 588 с.
34. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.
35. Усманов М.А. О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 247–254.
36. Фахретдин Р. Алтын Урда ханнары – Ханы Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 127 с.
37. Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> EDN: NZKGGK
38. Хусни Ф. Идегей // Красная Татария. 1944. 13 июля.
39. Якубовский А.Ю. Из истории падения Золотой Орды // Вопросы истории. 1947. №2. С. 30–45.

REFERENCES

1. Alexandrov G.F. On some tasks of social sciences in modern conditions. *Bolshevik*. 1044, no. 14, pp. 12–29. (In Russian)
2. Bartold V.V. Father of Edigey. Bartold V.V. Works. Vol. 2. Part 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1963, pp. 797–804. (In Russian)
3. Galimzyanova A.T., Gallyamova A.G. A Path two Decades long: how the First Collective Monograph of the Institute of Language, Literature and History on the “History of the Tatar ASSR” was created. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 202–219. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219> (In Russian)
4. Gallyamova A.G. “Reprisal” for the Golden Horde in the mid-twentieth century: The Ideological Discourse in Tatar Medieval Studies in the Light of the Decree of August 1944. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 784–797. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797>

5. Gimadi H.G. The peoples of the Bulgarian state under the yoke of the Golden Horde. *The history of the Tatar ASSR*. Vol. 1. Kazan: Tatknigoizdat, 1955, pp.76–99. (In Russian)
6. Gorsky A.A. Moscow and the Horde. Moscow: Nauka, 2000, 214 p. (In Russian)
7. Grekov B.D., Yakubovsky A.Y. The Golden Horde. An essay on the history of the Jochi Ulus during the period of its formation and heyday in the 13th – 14th centuries. Leningrad: Gossotsekizdat, 1937. 203 p. (In Russian)
8. Grekov B.D., Yakubovsky A.Yu. The Golden Horde and its fall. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. (In Russian)
9. Zhirmunsky V.M. The Turkic heroic epic. Leninrad: Nauka, 1974. 726 p. (In Russian)
10. Edigu: Tatar folk epic. Ed. by N. Isanbat. *Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 39–76; no. 12, 1940, pp. 34–82. (In Tatar)
11. Edigu. Tatar folk epic. Trans. by S. Lipkin. Kazan: Tatar Book Publ., 1990. 256 p. (In Russian)
12. Izmailov I.L. Edigu: A life that has become a legend. *Tatarstan*. 1992, no. 1, pp. 51–59; 1992, no. 2, pp. 63–71. (In Russian)
13. Izmailov I.L. The Battle of Vorskla. 1399. The finest hour of Emir Edigu. *Tseykhauz=Arsenal*. 1994, no. 1–3, pp. 80–83, 89. (In Russian)
14. Izmailov I.L. “There is no Marxist assessment of the Golden Horde...”. *Gasyrlar avazy = Echo of the centuries*. 1996, no.3/4, pp. 96–101. (In Russian)
15. Izmailov I.L. “Idegeevo massacre” of the Central Committee of the VKPB. *Rodina=Motherland*. 1997, no. 3/4, pp. 116–118. (In Russian)
16. Izmailov I.L. Edigu. The Tatar encyclopedia: In 5 volumes. Vol. 2, Chapters. Ed. by M.Kh. Khasanov. Kazan: ITE, 2005, 529 p. (In Russian)
17. Izmailov I.L. Edigu and his time. The history of the Tatars since ancient times. In seven volumes. Vol. 3. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – the middle of the 15th century. Kazan, 2009, pp. 712–723. (In Russian)
18. Izmailov I.L. The history of studying the Ulus of Jochi in domestic and foreign science. History of the Tatars since ancient times. In seven volumes. Vol. 3. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – the middle of the 15th century . Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 19–33. (In Russian)
19. Kabirova A.Sh. Tatar national factor as an element of ideological liberalization during the Great Patriotic War. *Tatarica*. 2015, no.4, pp. 98–109. (In Russian)
20. Kareev N.I. Edigu. Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron. Vol. 79. St. Petersburg: Izdatelstvo Brokgauza i Yefrona, 1904, p. 167. (In Russian)
21. Marjani Sh. Useful news about the state of Kazan and Bulgar (Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar): Part On. Trans. into Russian, prev. Trans. from Arabic, Old Tatar by R.K. Adygamov. Kazan: Magarifat-Vakyt, 2022. 216 p. (In Russian)
22. Mirgaleev I.M. The political history of the Golden Horde during the reign of Toktamyskh Khan. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
23. Mukhamedyarov Sh.F. Edigu. The Soviet Historical Encyclopedia. In 16 volumes. Vol. 5. Dvinsk – Indonesia. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1964, p.474. (In Russian)
24. On the state and measures to improve mass political and ideological work in the Tatar party organization. About the party and Soviet press. Moscow: Pravda, 1954, pp. 526–529. (In Russian)
25. Orlov A.S. Kazakh heroic epic. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1945, 147 p. (In Russian)
26. Potanin G. The Turkic tale of Idyga. *Zhivaya starina = Living antiquity*. Iss. 3–4. St. Petersburg, 1897, pp. 294–350. (In Russian)
27. Pochekaev R.Y. Mamai. The history of the “antihero” in history. St. Petersburg: Eurasia, 2010. 288 p. (In Russian)
28. Pochekaev R.Y. The Kings of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde. 2nd ed. St. Petersburg: Eurasia, 2012, 464 p. (In Russian)

29. Safargaliev M.G. The collapse of the Golden Horde. Saransk: Mordovian State University Publ., 1960. 278 p. (In Russian)
30. Seleznev Yu.V. “And God will change the Horde” (Russian-Horde relations at the end of the 14th – first half of the 15th centuries). Voronezh: Voronezh State University, 2006. 160 p. (In Russian)
31. Solovyov S.M. Essays. In 18 books. The history of Russia since ancient times. Book 2. Vol. 3–4. Moscow: Mysl, 1988. 765 p. (In Russian)
32. Solodovnikov A. For the high ideological value of Soviet art. *Bolshevik*, 1994, no. 19/20, pp. 52–64. (In Russian)
33. Tiesenhausen V.G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. 1. Extracts from the writings of the Arabs. St. Petersburg, 1881. 588 p. (In Russian)
34. Uрманче F. The folk epos “Edigu”. Kazan: Fan, 1999, 200 p. (In Russian)
35. Usmanov M.A. On the tragedy of the epic and human tragedies. Edigu. Tatar folk epos. Kazan: Tatar Book Publ., 1990, pp. 247–254. (In Russian)
36. Fahretdin R. Altyn Urda khannars – Khans of the Golden Horde. Kazan: Tatar Book Publ., 1995. 127 p. (In Tatar and Russian)
37. Khabutdinova M.M. The Contribution of Naki Isanbet to the Study of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> (In Russian)
38. Husni F. Idegey. Red Tartary. 1944. (In Russian)
39. Yakubovsky A.Yu. From the history of the fall of the Golden Horde. *Questions of history*. 1947, no. 2, pp. 30–45. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Искандер Лерунович Измайлов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усмано-ва Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iskander L. Izmailov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 07.09.2024

Поступила после рецензирования / Revised 25.11.2024

Принята к публикации / Accepted 02.12.2024